

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВОЙНА

МИЛТОН ШУЛЬМАН

**ПОРАЖЕНИЕ
НА
ЗАПАДЕ**

разгром гитлеровских войск
на западном фронте

Милтон Шульман

**Поражение на западе.
Разгром гитлеровских
войск на Западном фронте**

«Центрполиграф»

Шульман М.

Поражение на западе. Разгром гитлеровских войск на Западном фронте / М. Шульман — «Центрполиграф»,

В своей книге Милтон Шульман дает возможность посмотреть на события Второй мировой войны глазами врага. Анализирует причины побед и поражений германской армии от падения Франции до битвы за Берлин. На основе множества документов изучает военные ошибки Германии, а также роль Гитлера и его генерального штаба во взлете и падении Третьего рейха.

Содержание

Введение	6
Предисловие	8
КНИГА ПЕРВАЯ	11
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Часть вторая	25
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Милтон Шульман
Поражение на западе. Разгром
гитлеровских войск на Западном фронте

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Моей матери посвящается

Введение

Перед историками будущего открываются беспрецедентные возможности. В их распоряжении окажутся не только все союзнические документы Второй мировой войны, но и политические и военные архивы Германии, попавшие в наши руки. Однако предмет изучения столь обширен, что пройдут долгие годы, прежде чем читающей публике будут представлены основательные труды. Но ведь мир не стоит на месте, а потому, пока еще не слишком поздно, важно осветить события последних лет, дабы извлечь из них нужные уроки. Эта книга является примером именно такого подхода. С поразительной ясностью в ней представлено поражение Германии на западе глазами побежденных; в ней исследуются причины поражения; она проливает новый свет на Гитлера, немецкий характер, силу и слабости вермахта. Не появляется сомнений в правдивости возникающей перед нами картины. Последующие исследования могут уточнить детали, но основные факты и сделанные из них выводы, скорее всего, останутся неопровержимыми.

Майор Шульман был офицером разведки канадской армии, и его должность предоставила ему потрясающие возможности для сбора материала к этой книге. В его обязанности входило детальное изучение немецкой армии перед днем «Д», днем высадки союзных войск в Европе 6 июня 1944 года. Он лично участвовал в военных операциях во Франции, Бельгии, Голландии и Германии. Более того, ему пришлось допрашивать многих командующих немецкими армиями на Западном фронте, включая фон Рундштедта, Зеппа Дитриха и Штудента. Майор Шульман прекрасно воспользовался предоставленными ему возможностями, и в результате мы имеем увлекательное изложение событий с точки зрения «другой стороны».

Те из нас, кто был тесно связан с военным и политическим руководством союзников, часто размышляли над поразительными ошибками немцев. Почему немцы не помешали британским экспедиционным силам эвакуироваться из Дюнкерка? Почему враг не попытался захватить Мальту, ключ к Средиземноморью и постоянный источник неприятностей для Ромеля, не позволивший ему воспользоваться плодами его побед? Почему германские армии на различных фронтах никогда не прибегали к стратегическим отступлениям? Почему столько средств было выброшено на ветер в Тунисе? Мы задавали себе эти и множество других подобных вопросов. Майор Шульман дает ответы на некоторые из них; на другие мы можем ответить сами, сделав выводы из собранных им фактов. По мнению Шульмана, именно к дрожащим ногам Адольфа Гитлера мы должны положить похоронный венок Германии. Союз Гитлера, дисциплины и всеобщего неведения сделал напрасными все жертвы вермахта. Однако предстоит ответить на главный вопрос: каким образом один человек смог полностью подчинить себе Германию? Ведь даже когда стало ясно, что он ведет страну к гибели, отдавая невыполнимые приказы войскам, сражающимся в сотнях миль от него, не нашлось ни одной силы, способной на это. Объяснение заключается в той степени деградации, до которой при диктаторском режиме может докатиться нация, объединенная жестокой дисциплиной и привыкшая к господству военных. Германия никогда не знала демократического правления. Немцы на протяжении всей своей истории с готовностью откликались на призыв к дисциплине, самопожертвованию и войне; всегда диктаторы с легкостью набрасывали милитаристские цепи на послушный и патриотичный народ фатерланда. Многие годы немцы с радостью признавали власть прусской военной касты. Эта власть не пошатнулась даже после печальных для Германии последствий Первой мировой войны. Благодаря культивировавшемуся мифу о «кинжале, воткнутом в спину», немцы поверили, что их армия не потерпела поражения. Рейхсвер, знавший правду и надеявшийся, что Гитлер вернет ему воинскую славу, помог диктатору прийти к власти. Однако дисциплинированность и неведение не позволили военному командованию ни противостоять глупостям Гитлера, ни свергнуть его. Сейчас существует реальная опасность

создания нового мифа с целью переложить вину за поражение с немецкого Генерального штаба на кого угодно. Место «кинжала в спину» может занять «вмешательство Гитлера». Исследование майора Шульмана ясно показывает, что, хотя интуиция Гитлера была главной причиной поражения Германии, самому вермахту были присущи роковые слабости, которые привели его к полному разгрому как на западе, так и на востоке.

Возможно, будущим поколениям немцев снова внушат, что вермахт является воплощением всего самого славного в истории Германии, а потому жизненно важно довести правду о его безусловном поражении и других отвратительных фактах нацистского правления до сведения всего человечества, в особенности до немецкого народа. Безусловная заслуга майора Шульмана состоит в том, что он столь ярко освещает истинные события.

Главный урок, который нам необходимо извлечь из Второй мировой войны: Германия должна оставаться разоруженной и демилитаризованной, больше не способной стать добычей любого, кто предложит за власть наибольшую цену. Влияние милитаризма, укоренившееся за много поколений, и распущенность последних двадцати лет истребить будет нелегко. Нельзя терять бдительность. Особенно важно помнить об этом сейчас, когда мы видим, как быстро растет естественное сочувствие к страданиям немецкого народа. Мы не имеем права позволить немцам извлечь выгоду из этого сочувствия и воссоздать безжалостную военную машину, которая едва не завоевала господство над Европой. В другой раз может не найтись Гитлера с его стратегическими ошибками, а Генеральный штаб искоренит свои слабости. И тогда грозная сила нации солдат станет роковой для цивилизации.

Генерал-майор сэр *Йен Джейкоб*,
кавалер ордена Британской империи 2-й степени
и ордена Бани 3-й степени

Предисловие

Изложение истории победы союзников во Второй мировой войне – задача нелегкая, но относительно ясная. Тщательно сохранены документы, написаны официальные отчеты, участники событий готовы поделиться своими воспоминаниями. Историк или репортеру остается лишь покопаться в архивах, найти важные факты и представить свою версию событий. К сожалению, написать историю поражения Германии во Второй мировой войне так скоро после ее окончания несколько сложнее. Многие документы уничтожены, потеряны или спрятаны. Непосредственные участники событий погибли, исчезли или находятся в лагерях для военнопленных. От них пока не приходится ждать официальных отчетов, автобиографий или исторических публикаций. По этой причине все, что написано о вермахте менее чем через два года после его поражения, неизбежно является неполным. Многие еще предстоит узнать от оставшихся в живых немцев или извлечь из гор документов, ожидающих перевода, классификации и анализа. Пройдет немало лет, прежде чем удастся всесторонне осветить роль Германии в последней войне.

Теперь, когда я некоторым образом принес свои извинения за то, чего эта книга не содержит, позвольте рассказать о том, что вы найдете в ней. Задумывая «Поражение на западе», я ставил перед собой три цели: изложить историю поражения немецкого вермахта на западе, выделить причины, которые привели к этому поражению; показать, как люди, высокопоставленные и простые, переживают свое поражение. Кроме этих честолюбивых замыслов, на окончательный облик книги серьезно повлияло мое желание сделать ее доступной для читателей, чей военный словарный запас сложился в результате чтения одних газет.

Каким образом я подступился к выполнению разносторонней задачи, видно даже из беглого просмотра оглавления. Первый раздел этой книги касается главным образом исследования причин поражения вермахта прослеживанием истории немецкого милитаризма от Версаля до Сталинграда. Второй, самый большой раздел – детальный отчет о сражениях на западе от союзного вторжения в Нормандии до немецкой капитуляции в Реймсе. В этот раздел я включил письма и дневники людей, пытавшихся запечатлеть страдания, разочарования и отчаяние современной армии на грани поражения.

Для непрофессионалов военного дела следует дать некоторые пояснения относительно моих источников. Как офицер разведки, служивший в штабе 1-й канадской армии, я должен был читать и сопоставлять разведдонесения формирований союзников, находившихся в Северо-Западной Европе, оценивать по ним боеспособность и местонахождение вражеских соединений, противостоявших канадской армии. Большая часть немецких документов, цитируемых в моей книге, взята именно из этого источника.

После капитуляции немецких вооруженных сил мне было поручено допросить высших немецких офицеров, сражавшихся в Германии и Франции, с целью выяснения их версии военных действий на западе. Эта информация должна была использоваться для дополнения официального исторического отчета об участии Канады во Второй мировой войне. Предвосхищая любые сомнения в достоверности заявлений, сделанных пленными вражескими офицерами, я хотел бы отметить, что включил в эту книгу только те утверждения, которые, по моему мнению, не противоречили доступным документальным свидетельствам и исследованиям произошедших событий.

Побежденные обычно стараются оправдать свои ошибки, переложив вину на кого-то другого, немецкие генералы не представляли исключения из этого правила. Тем не менее, у меня были возможности перепроверить большую часть их утверждений, допрашивая других немецких офицеров и изучая документы. По правде сказать, большинству высших офицеров вермахта не терпелось порассказать о своей военной карьере. Думаю, были две основные причины

этого охотного сотрудничества. Во-первых, они стремились объяснить следующим поколениям свою особую роль в проигранной войне; понимали, как нескоро немецкие историки смогут услышать их рассказы; считали, что союзническая версия их военных судеб лучше, чем никакая. Вторая причина, несомненно, заключалась в том, что им представлялся случай развеять скуку, поговорить с кем-то, кроме постоянных обитателей лагерей для военнопленных.

Я думаю, что все люди, с которыми я говорил, были достаточно правдивы. Они понимали, что их собеседнику достаточно легко проверить большинство сообщаемых ими фактов, и ложь вряд ли принесет им пользу. Поэтому они рассказывали свои истории так, как их видели, иногда приукрашивая факты, чтобы предстать в более выгодном свете. Если факты казались им дискредитирующими, генералы просто воздерживались от обсуждения. Если истина искажалась, то скорее путем умолчания, чем лжи.

На этих страницах я постоянно стремился строго следовать законам литературного жанра, столь привлекательного как для серьезных исследователей, так и для широкого круга читателей. По возможности я освободил текст от подробных перечислений войсковых соединений и технических проблем, неинтересных обычным читателям. Однако интересующимся деталями военной истории предлагается ряд ссылок и примечаний.

Безрассудство использования войны в качестве инструмента разрешения межнациональных конфликтов признается всеми разумными людьми. Нецелесообразность и бесплодность войн глубже всего осознается не победителями, а побежденными. Пожалуй, никто в мире не поклонялся богу войны Марсу так ревностно, как офицеры немецкого вермахта. Их пример показывает, как дисциплинированное военное мышление порождает необузданное честолюбие и приводит к страшному, но логическому концу.

Необходимо осознать, какими на самом деле жалкими и незначительными фигурами были люди в парадных мундирах, напыщенно и победно выступавшие перед человечеством. Это особенно важно потому, что сегодня мы слышим со всех сторон людей, узколобых и самодовольных, которые оправдывают использование силы при разрешении всех социальных и политических проблем. Став однажды победителями, они убеждены, что побеждать будут всегда. Если моральные доводы неспособны обуздать их самомнение, возможно, это сделает отрезвляющая перспектива поражения. В каждой войне таится риск поражения, о чем иногда забывают те, кто бойко рассуждает о новой войне. А если кто-то еще не понимает до конца, что означает поражение в войне XX века, руины немецких городов и страдания немецкого народа послужат ему наглядным уроком.

Этот урок станет еще более впечатляющим, когда мы осознаем, что катастрофа Третьего рейха во Второй мировой войне – ничтожная часть страданий и разрушений, которые выпадут на долю победителей и побежденных в Третьей мировой войне.

Объяснение такой страшной катастрофы, как Вторая мировая война, в момент, когда даже воздух пронизан ненавистью и гневом, неизбежно отличается от хладнокровной оценки спустя двадцать лет, отделяющих нас от тех событий.

Необходимо отметить, что с тех пор, как в мае 1946 года я начал писать «Поражение на западе», были опубликованы тысячи трудов об описанных мной сражениях. За два прошедших десятилетия множество генералов, адмиралов, дипломатов, историков и журналистов представили собственные версии Второй мировой войны, а потому не остается сомнений в том, что она стала самым тщательно описанным, проанализированным и задокументированным военным событием в истории человечества. Но даже теперь, несмотря на горы свидетельств в истории этой войны, особенно в том, что касается первых месяцев советско-германского конфликта, остаются значительные пробелы.

Приступая к переработке «Поражения на западе» в свете этой массы новой информации, я с огромным удовлетворением обнаружил, что в общих чертах история поражения вермахта действительно была такой, какой я представлял ее сразу же после окончания Второй мировой

войны. Мои главные выводы о причинах поражения Германии (может быть, слишком общие) не потеряли своей ценности и не были дискредитированы ни одним свидетельством из тех, что я сумел найти позднее.

Несомненно, за двадцать последних лет новые факты, детали и оценки представили в новом свете некоторые аспекты Второй мировой войны. Эта информация главным образом касается второстепенных для данной книги деталей разгрома вермахта на территории Франции, Нидерландов, Германии в период между вторжением союзников в Нормандию и безоговорочной капитуляцией Третьего рейха. Центральная тема, изложенная достаточно подробно, практически не нуждается в исправлениях, поэтому я счел возможным оставить ее в первоначальном виде, за исключением незначительных изменений и некоторых примечаний.

Я переписал главы о вермахте в период Веймарской республики, заговоре 20 июля и итоговых оценках. Что касается сражения при Дюнкерке, планируемого немцами вторжения в Британию в 1940 году и последних дней Гитлера, я пытался провести читателя по своим стопам к тем книгам, которые наиболее достоверно освещают эти вопросы.

Поскольку книга «Поражение на западе» в большой степени основана на устных свидетельствах немецких генералов, допрошенных мной и моим коллегой подполковником Лесли Чейтером, она содержит уникальные первоисточники, а именно личные мнения фельдмаршала фон Рундштедта, генерала Блюментрита, генерал-полковника Дитриха и генерала-полковника Штудента всего через несколько месяцев после разгрома Германии. Иногда их версии событий противоречат документам; иногда они изменяли свои истории после освобождения из лагерей для военнопленных, где мы с ними беседовали; иногда они считали более удобным забыть некоторые факты и вспомнить другие. Однако изложенные в данной книге истории они рассказывали в 1945 году, когда еще не успели оправиться от постигшей их катастрофы и находились в подавленном состоянии. Я постарался сохранить их рассказы в подлинном виде.

М. Ш.

КНИГА ПЕРВАЯ

Путь к поражению

Часть первая

ПРИЧИНЫ

Глава 1

ВОЙНЫ ВЕДУТСЯ ЛЮДЬМИ

Это история поражения, история о людях, которые сражались и были разгромлены. То есть это мрачная история. И как во всякой истории о побежденных, розовый туман славы не окутывает их деяния, как в сказаниях о победителях. Поражение влечет за собой предательство, трусость, жестокость, бессилие и смерть. Иногда, но не часто проявляются храбрость и вера. Обычно появляется истина. Победители могут позволить себе скрыть свои промахи; побежденные жаждут их объяснить.

В истории человечества редко случалось так, чтобы какая-то военная сила была так основательно разгромлена, как немецкий вермахт в войне 1939-1945 годов. Свидетельства этого разгрома сохранились в призывах, клятвах, приказах, дневниках, письмах, речах и признаниях побежденных. Именно из устных и письменных признаний немецких воинов, от рядовых до фельдмаршалов, возникает истинная картина военной катастрофы Третьего рейха. Эти свидетельства не столько раскрывают промахи и ошибки, явившиеся причиной поражения Германии, сколько проясняют реакцию современной военной силы на поражение. Чаще рассказывают о том, как люди воспринимают победу. Отношение к поражениям становится известным гораздо реже, поскольку поражение вовсе не столь героично и красочно. Цель нашей книги – исследование причин поражения Германии во Второй мировой войне, а также взгляд на поражение глазами побежденных.

Поражение требует большей физической и душевной стойкости, чем победа. Подобно тому как количество воздуха, помещающееся в воздушный шар, можно проверить, надувая его, пока он не лопнет, преданность и стойкость можно испытать, приложив достаточно серьезные усилия к их разрушению. Если принять наше утверждение за аксиому, то легче узнать истинную цену вермахта в условиях поражения, а не победы. Только при поражении можно увидеть, на что действительно способны люди, создавшие и составлявшие вермахт, на какие жертвы они могут пойти ради цели, за которую сражались.

Очевидно, что войны ведутся людьми. Неизбежный вывод о том, что войны и проигрываются людьми, общеизвестен, но о нем часто забывают. В наше время существует тенденция все военные достижения человечества приписывать машинам. Люди самых разных взглядов считают, что решающим фактором в победе союзников были самолеты, танки, линкоры и атомная бомба. Существует мнение, что, если любое государство получит в свое распоряжение достаточно самолетов, боевых кораблей или атомных бомб, оно непременно одержит победу в будущей войне. Однако история поражения Германии во Второй мировой войне решительно опровергает эти теории.

В течение войны Германия обладала достаточным количеством вооружения и все же потерпела поражение. Это мнение не раз высказывали ведущие военные руководители вермахта. Говоря о величайших военных ошибках Германии, каждый генерал предлагает свою

собственную версию. Одни говорят, что нельзя было выпускать британцев из Дюнкерка; другие сожалеют о том, что не вторглись в Англию в 1940 году; третьи считают фатальной ошибкой отказ от вторжения в Испанию и захвата Гибралтара, четвертые – нападение на СССР; пятые полагают, что, когда Роммель воевал в Эль-Аламейне, следовало продолжить наступление и захватить Суэцкий канал; шестые проклинают глупость, проявленную в Сталинграде; седьмые считают гибельной стратегией вермахта в Нормандии. В каждой из этих решающих фаз войны, кроме последней, у Германии было достаточно материальных ресурсов для победы над врагом или хотя бы для предотвращения собственного разгрома.

Так почему же не победила превалирующая мощь техники? Потому что людям, управлявшим ею, не хватило мужества или веры, воображения или умения одержать победу. Фундаментальный принцип войны состоит в том, что для победы в сражениях необходимо применять людей и вооружение в нужное время в нужном месте. Немецкие стратеги постоянно нарушали этот принцип. Почему же высшие руководители Германии совершали одну ошибку за другой до тех пор, пока победа стала недостижимой? Истинная причина поражения Германии во Второй мировой войне скорее кроется в ответе на этот вопрос, чем в количестве и качестве вооружения.

Причины падения рейха были военными и политическими. Нюрнбергский трибунал, рассмотрев улики и объявив приговор, внес огромную лепту в прояснение политических причин поражения Германии. Военные причины, вытекающие из политических, не были столь тщательно изучены, а потому остались относительно неясными. Исследования психологов, социологов и военных, несомненно, дадут ответы на поставленные вопросы, но чем мы можем помочь историкам и ученым будущего? Какие свидетельства имеются в нашем распоряжении сейчас? Сами солдаты вермахта. Именно их свидетельства интересны и важны.

Если войны ведутся людьми, то какими были люди, которые привели армии рейха к самому страшному в истории поражению? Какими были фундаментальные причины, заставившие немецких командующих действовать так, а не иначе на протяжении пяти военных лет? Почему группа профессиональных военных, по призванию занимавшихся военным делом и накопивших большой военный опыт, чем любая другая группа профессиональных военных, не сумела добиться победы, к которой часто была очень близка? Вероятно, к поражению привели по меньшей мере три слабости самого вермахта: Гитлер, дисциплина и неведение. Давайте обсудим их по очереди.

Глава 2

ГИТЛЕР

К началу Второй мировой войны в Германии сложилась удивительная ситуация – политический глава государства лично руководил из Берлина армейскими операциями на таких отдаленных друг от друга театрах военных действий, как Франция, Италия и СССР. В течение пяти лет, склоняясь над крупномасштабной картой, Гитлер принимал все важные военные решения. В этом заключались сила и слабость немецкого вермахта. Это приносило Германии поразительные победы, но это же явилось главным фактором окончательного поражения. Личные качества Адольфа Гитлера обеспечили вермахту успех; они же в гораздо большей степени послужили причиной поражения. С какой стороны ни посмотреть, роковую роль в разгроме Германии сыграл Адольф Гитлер.

Как стало возможным, чтобы человек, чья военная карьера закончилась на чине ефрейтора, командовал более чем тремястами боевыми дивизиями? По какому наитию неквалифицированный фантазер принимал или отвергал советы фельдмаршалов? Ответ на эти вопросы дает история борьбы между национал-социализмом и немецкой армией. Как только был распущен рейхстаг и фашистская диктатура стала политической реальностью, единственной орга-

низованной силой, еще способной оказать эффективное сопротивление национал-социализму, остался офицерский корпус. Гитлер преисполнился решимости обратить его в свою веру либо сломить. Отчасти ему удалось осуществить первый вариант и совершенно определенно – второй. Однако, подчинив себе немецкий Генеральный штаб, Адольф Гитлер закабалил и ослабил единственную группу людей, способных защитить и спасти его. Победа национал-социализма над традиционной военной кастой преопределила судьбу Германии, ибо фюрер возомнил себя полководцем.

Вряд ли до начала войны Гитлер считал себя военным лидером, однако, добившись полного господства над рейхом, он был вынужден принимать политические решения с учетом важных военных вопросов. До февраля 1938 года мнение Генерального штаба еще принималось во внимание, поскольку противник был опасен. Однако после февральской отставки военного министра фельдмаршала фон Бломберга и главнокомандующего армией генерал-полковника фон Фрича Адольф Гитлер свел роль офицерского корпуса до одного из инструментов в деле построения национал-социалистской Германии. Одним махом вермахт был очищен от аристократических лидеров прусской армии, которые не переваривали неотесанного австрийца, каким они считали Гитлера не столько из-за его честолюбивых замыслов, сколько из-за грубых методов их воплощения.

Одной из первых серьезных военно-политических проблем Гитлера был судетский кризис 1938 года. Ряд высших офицеров опасался, что политика Гитлера по отношению к Чехословакии приведет к войне с Францией. Генерал-полковник Людвиг Бек, начальник Генерального штаба, вместе с несколькими другими офицерами составил доклад, в котором доказывал, что немецкие военные силы не смогут противостоять многочисленным французским армиям, и рекомендовал Гитлеру умерить агрессивность, дабы не довести дело до войны. Летом 1938 года Бек был уволен. Четырехсторонняя конференция в Мюнхене окончательно показала, что судетский вопрос не станет причиной глобальной войны, и Гитлер укрепился в своем мнении: офицерский корпус, оказывающий «неоправданное» противодействие, является реакционной группировкой, далеко не столь храброй и компетентной, как он сам.

Затем последовала Польша, где снова сплелись политическая и военная проблемы. Гитлер, полагавший, что Англия не вступит в войну из-за польского коридора, совершенно неправильно представлял себе политическую ситуацию. Однако его дальновидность в военной сфере снова поразила военных советников молниеносной победой над Польшей, когда Франция не причинила никакого беспокойства на западе. К тому времени Гитлер уже был готов полагаться в военных вопросах на собственную интуицию, хотя еще продолжал делать вид, что прислушивается к советам экспертов. Генеральный штаб оспаривал осуществимость нападения на Норвегию, и снова Гитлер доказал, что это возможно. Затем Гитлер настоял на вторжении в Нидерланды и Францию, причем внес изменения в план этой крупномасштабной операции. Высшие офицеры не скрывали возмущения, но после падения Франции им оставалось лишь качать головами, признавая правоту фюрера.

Все эти вопросы будут подробнее обсуждены в следующей главе, а здесь они упомянуты для того, чтобы дать представление об этапах упрочения господства Гитлера в военной сфере. Гитлер доказал свою блестящую способность распознавать достоинства военных теорий. Он признал новейшие военные теории генерал-полковника Гудериана, отстаивавшего решающую роль в войне бронетанковых войск, и преодолел отсталость Генерального штаба, сопротивлявшегося техническому перевооружению. Не обладая осмотрительностью и сдержанностью эксперта, он сумел оценить дерзкие планы Гудериана и довести их до успешного выполнения. Офицеры Генштаба начали признавать, что именно дерзость и стремительный натиск фюрера стоят за всеми стратегическими шагами того периода. Они даже стали верить, что Гитлер обладает какой-то необъяснимой интуицией, которая позволяет ему верно угадывать, когда холодная логика фактов говорит о том, что он не прав. Хуже того, Гитлер сам поверил в это. В

массированной пропагандистской кампании в прессе и на радио Гитлер провозглашался величайшим военным гением всех времен и народов. Это бурное восхваление убедило не только немецкое общество, но и самого Гитлера в том, что он новый Александр Македонский или Наполеон. С тех пор он всегда был прав. Во всех случаях, когда командующие предостерегали его против каких-то действий, он неизменно отвечал: «Вспомните Чехословакию! Вспомните Францию!»

С падением Франции военная карьера Гитлера достигла зенита. Следующие пять лет были скольжением вниз по наклонной плоскости. Гитлер совершал одну ошибку за другой, но, как проигрывающий игрок, продолжал отчаянно швырять кости в надежде на выигрышный номер. Выигрышный номер все не выпадал, однако Гитлер так и не поверил в то, что удача покинула его. Отказ от плана вторжения в Англию в 1940 году, объявление войны СССР, разгром под Сталинградом, инфантильная стратегия во Франции – все это единоличные решения фюрера. Зачастую он принимал их несмотря на энергичнейшее сопротивление непосредственного полевого командующего и вопреки военной логике.

По мере того как неудача следовала за неудачей, Гитлер становился более замкнутым и угрюмым. Повсюду ему мерещилось предательство, он стал полагаться только на собственное суждение даже в самых незначительных вопросах. Однажды, совершенно не представляя реальной ситуации, фюрер приказал сосредоточить бронетанковые части в одном из советских городов. В результате фантастическое количество танков скопилось в очень ограниченном секторе, приведя к хаосу. Когда Гитлер приказал предать командира корпуса военному трибуналу, ему напомнили, что он лично спланировал маневр. «Где вы прочитали об этом?» – налетел Гитлер на офицера, осмелившегося ему возразить. «В дневнике вооруженных сил» – последовал ответ. Казалось бы, вопрос исчерпан, однако в тот же день историческому отделу ставки было приказано в будущем не отмечать оперативные приказы Гитлера в дневнике вооруженных сил и даже косвенно не упоминать о его вмешательстве в военные операции. С того момента шесть стенографистов вели записи всех дискуссий, совещаний и распоряжений, а затем особым крупным шрифтом для дальнозоркого Гитлера печатался единственный экземпляр, который хранился в его личном сейфе. Записи разговоров в ставке часто помогали Гитлеру разбираться с непокорными генералами¹.

Начав с глобальных стратегических решений, Гитлер вскоре погряз в мелких тактических проблемах, затрагивающих относительно незначительные формирования и маловажные сектора. Он так сильно верил в собственную непогрешимость, что, если проваливалась такая операция, как захват Москвы, объяснял неудачу некомпетентностью и трусостью командующего операцией. Гитлеру редко приходило в голову, что, быть может, стратегический план был просто невыполним. В результате фюрер не только единолично принимал важные решения, но и старался гарантировать исполнение этих решений так, как он считал необходимым. К тому моменту, когда союзники подготовились к вторжению на континент, все старшие немецкие офицеры были скованы и запуганы ограничениями и угрозами из Берлина, поэтому инициатива могла проявиться лишь на самом низком уровне. В Нормандии централизованное вмешательство достигло такой огромной степени, что поступающие из Берлина директивы определяли не только части, задействованные в атаке, но и сектора, которые они должны были занять, и дороги, по которым они должны были продвигаться. Когда немцев отбросили к Рейну, Гитлер принял на себя командование всеми боевыми действиями на западе. 21 февраля 1945 года фельдмаршал фон Рундштедт издал следующую сверхсекретную директиву:

«Штаб Верховного командования.»

---

¹ Об этом инциденте рассказал подполковник исторического отдела ОКБ (Верховного главнокомандования вермахта. – Примеч. пер.), в чьи обязанности входило ведение дневника вооруженных сил. Сводка разведотдела 1-й канадской армии, 1 мая 1945 г.

Zanad, G-3 N.595/45. 21 янв. 45.

Сверхсекретно

s/1 РУНДШТЕДТ

Нижеследующий приказ фюрера приводится дословно:

1. На командующих армиями, корпусами и дивизиями возлагается личная ответственность за поступление ко мне всех нижеперечисленных решений или намерений заблаговременно, чтобы я мог повлиять на них и издать при необходимости контрприказ, который своевременно достигнет передовых частей:

а) любых решений, касающихся боевых действий,

б) предполагаемой атаки соединения численностью более дивизии, не указанной в директивах штаба главного командования,

в) любых наступательных действий на стабильном фронте, которые могут привлечь внимание врага к данному сектору, за исключением обычной патрульной деятельности,

г) любого предполагаемого отступления,

д) любого предполагаемого оставления позиции, укрепленного города или крепости.

2. Командующие армиями, корпусами и дивизиями, начальники штабов и все офицеры Генерального и других штабов несут передо мной личную ответственность за то, чтобы любой рапорт, адресованный лично мне или по другим каналам, не содержал ничего, кроме правды. В будущем я буду решительно карать любую попытку скрыть факты, умышленную или по халатности...

Адольф Гитлер».

Вот до чего дошел гордый немецкий офицерский корпус. Фельдмаршалы и генералы не могли передвинуть свои войска вперед или назад без разрешения презираемого ими ефрейтора. Никогда прежде с боевыми командирами не обращались так грубо и презрительно, никогда прежде их столь решительно не лишали власти. Таковой была цена, которую им пришлось заплатить за помощь в сокрушении Веймарской республики, за свои честолюбивые стремления к националистической воинственной Германии. В своем рвении к уничтожению демократии они породили дитя, обреченное на отцеубийство.

Интересно поразмышлять о том, что случилось бы, если бы политический глава демократического государства попытался вмешаться в дела военных лидеров или не стал бы считаться с их мнением. Предположим, Черчилль настоял бы на том, чтобы фельдмаршал Монтгомери атаковал Эль-Аламейн двумя месяцами ранее, чем командующий считал это целесообразным. Во-первых, фельдмаршал Алан Брук, начальник имперского Генерального штаба, скорее всего, обратился бы к Черчиллю от имени Монтгомери и заявил бы, что фельдмаршал лучше знает, когда наступать. Если бы это не помогло, на совещании комитета начальников штабов, где представлены главы всех армейских служб, Черчиллю предложили бы отступить. Тем временем кто-нибудь мог обратиться к Эттли, главе оппозиции, или другому члену кабинета военного времени (коалиционного правительства 1940-1945 гг., возглавляемого У. Черчиллем. — *Примеч. пер.*) с просьбой использовать свое влияние и убедить премьер-министра изменить решение. К тому моменту Черчилль, несомненно, убедился бы в своей неправоте и смирился бы; хотя вполне вероятно, для этого потребовались бы намек в прессе на разногласия в кабинете военного времени и неудобные вопросы в палате общин. Последовали бы пылкие и красноречивые опровержения, и операция проводилась бы по заранее намеченному плану.

Это предположение, разумеется, не означает, что политический глава демократического государства в принципе не может взять верх над военными лидерами. Черчиллю это часто уда-

валось, особенно в начальный период военных действий в пустыне под командованием фельдмаршала Уэйвелла. Однако доказано, что политические и военные лидеры союзников гораздо чаще шли на взаимные уступки, чем было бы возможно при диктаторском режиме. Поражительный пример успеха военного лидера в отстаивании собственного курса вопреки давлению политической оппозиции приводится в книге капитана Бутчера «Три года с Эйзенхауэром». Бутчер отмечает, что весь день 5 августа 1944 года премьер-министр Черчилль пытался убедить генерала Эйзенхауэра отменить запланированное вторжение во Францию. «Айк (прозвище Эйзенхауэра. – *Примеч. пер.*) сказал «нет», – пишет Бутчер, – и повторял свое «нет» целый день, используя все варианты отрицаний, имеющиеся в английском языке». Верховного главнокомандующего поддержали адмиралы Рэмси и Теннант. В гитлеровской Германии за подобным сопротивлением фюреру последовала бы немедленная отставка.

Таков громоздкий и болезненный процесс демократии в действии, не столь впечатляющий и драматичный, как безрассудный взмах руки диктатора, заставляющий нацию беспрекословно подчиняться. Однако в демократическом процессе рождаются ограничения, не позволяющие одному человеку совершать ошибки, ввергающие государство в пучину катастрофы. Достоинство демократии в том, что решения, принимаемые в ходе свободной дискуссии, обычно разумны и взвешены. Редко возникает необходимость менять решение, как происходит в тех случаях, когда решение основано лишь на интуиции. Правда, демократия зачастую медлительнее диктатуры, но в конечном счете она гораздо мудрее, с чем теперь соглашались большинство немецких генералов.

Глава 3 ДИСЦИПЛИНА

Армии необходима дисциплина. С другой стороны, слишком жесткая дисциплина может ее удушить. В немецкой армии царил слишком жесткая дисциплина. Офицеры и рядовые слепо повиновались приказам начальства. Они не задавали вопросов даже тогда, когда растаяла вера в победу и логика подсказывала, что их усилия тщетны. Очень редко нижестоящие чины восставали против приказа или отказывались подчиняться командиру. Даже если действия в обход приказа представлялись единственным разумным выходом (особенно в конце войны, когда Гитлер полностью все контролировал), военные лидеры умудрялись формально в точности выполнять приказ. Подчинение власти так въелось в немцев, что офицер не мог сделать даже шаг в сторону, не обосновав свое поведение тем, что действовал хотя бы согласно духу, если не букве полученного приказа. Только убедив себя в том, что не нарушил приказ, он мог очистить свою совесть, а рассуждения о том, что он поступил человечно и спас жизни людей, были вторичными.

Именно благодаря жестокой дисциплине вермахт сражался так долго. Однако из-за той же самой дисциплины не было сделано ничего для того, чтобы сбросить силы, которые вели Германию к краху. Задолго до конца войны очень многие старшие офицеры осознали ее бессмысленность, но они стали так беспомощны и неспособны к противодействию политической власти, что протест самых лучших выразился в неумелом покушении на фюрера всего за девять месяцев до окончания войны.

Поскольку после Первой мировой войны по условиям Версальского договора численность немецкой армии сократилась до 100 тысяч человек, ее новые лидеры вознамерились уравновесить недостаток количества качеством. Они образовали маленький замкнутый круг избранных военных экспертов с собственным моральным и общественным кодексом. Лидер и вдохновитель этой группы генерал-полковник Ганс фон Зект свято верил в то, что эффективная армия должна быть полностью отделена от политики, философия профессиональных солдат не должна быть похожа на философию современного гражданского общества. Хотя армия

была возрождена для защиты Веймарской республики, вскоре стало очевидно, что офицерский корпус совершенно не принимает принципов демократии, провозглашенных правительством. В реальности большая часть офицеров презирала эти принципы, считая их неэффективными и антинемецкими. Профессиональные офицеры стали более преданными армии, чем правительству, которому были обязаны служить. Когда Гитлер упразднил конституцию Веймарской республики, немецкий офицерский корпус не воспрепятствовал этому политическому убийству, чем выразил свое согласие. Военные верили, что увеличения численности армии и освобождения от унижительных оков Версаля гораздо легче добиться с Адольфом Гитлером, чем с демократическим рейхстагом. Одним словом, преданность военных Гитлеру была порождена честолюбием.

Для достижения подобной лояльности внутри офицерского корпуса была введена жесткая дисциплина, требовавшая только подчинение власти. Приказам начальства следовало подчиняться беспрекословно, к любому нарушению этой традиции относились с неодобрением. Строго была расписана не только профессиональная деятельность военных; их личная жизнь также подчинялась определенным правилам. Неукоснительное следование традициям и моральным принципам использовал Гитлер, подчиняя своей воле немецкий Генеральный штаб, и добился поразительных успехов.

Женитьба фельдмаршала фон Бломберга на женщине с сомнительной репутацией позволила Гитлеру избавиться одновременно от двух своих рьяных противников: фон Бломберга и фон Фрича. Не столь известен другой случай использования Гитлером офицерского кодекса чести: развод фельдмаршала фон Браухича. Существовало строгое правило: если причиной развода была супружеская неверность офицера, он изгонялся из офицерского корпуса. Поэтому, полюбив другую женщину, фон Браухич попросил жену представить необходимые основания для развода. Жена отказалась, и фон Браухич обратился со своей проблемой к Гитлеру. Фюрер посоветовал жене фон Браухича согласиться, к тому же уладил финансовую сторону сделки. В результате один из лидеров офицерского корпуса оказался в неоплатном долгу перед Гитлером, о чем тот не раз без колебаний напоминал ему.

Следование строгому кодексу общественного поведения требовалось также во время войны. Немецкий Генеральный штаб всегда стремился воспитывать офицеров по единому образу и подобию: они должны были беспрекословно подчиняться приказам. Даже в апреле 1943 года в приказе по офицерскому артиллерийскому училищу содержались следующие пункты о поведении кадетов в обществе:

«1. НАНЕСЕНИЕ ВИЗИТОВ.

Часы визитов: 11.30-13.00 по воскресеньям, 17.00-18.00 по будням. Ни в коем случае не позднее и никогда днем...

Входя в комнату, держать головной убор в левой руке. Садясь, класть головной убор...

Приход и уход: визит должен длиться около десяти минут.

Не смотреть на наручные часы. Не объяснять причин завершения визита.

Открывая дверь при уходе, не поворачиваться спиной к обществу.

2. РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Вино: белое вино пить из высоких бокалов, красное – из низких.

Танцы: первый танец и кадрили всегда танцевать с соседкой по столу.

Никогда не танцевать непрерывно с одной и той же дамой.

Цветы: разворачивать букет в холле. Никогда не дарить букет в обертке.

Преподнося цветы, держать их стеблями вниз...

3. РАЗНОЕ.

На скачках офицер не должен приближаться к тотализатору...»

Успех этих методов в формировании в армии преданности и дисциплины не вызывает сомнений. Безликим, вышколенным офицерам так крепко вбили в головы мысль о всеисильности власти, что они цепенели от одного присутствия высокого начальства. Жить значило повиноваться, и никаких других целей в жизни не существовало. Невозможно было даже помыслить о том, чтобы возразить верховному главнокомандующему Адольфу Гитлеру. В любом случае, даже если бы офицеры осмелились бросить ему вызов, то не знали бы, как это сделать: их не учили этому.

Поскольку офицерский корпус не мог составить оппозицию политической власти, остается вопрос, не могла ли подобная инициатива исходить от рядового состава. Русская революция 1917 года, хотя зародилась в гражданском обществе, продемонстрировала, что современные армии могут восстать против конституционной власти даже вопреки своим военным лидерам. Многие современные военные деятели были уверены в том, что безуспешная война повлечет за собой распад вооруженных сил Германии. Их мнение основывалось на исторических примерах Австрии в 1918 году и России в 1917 году. Однако справедливость требует отметить, что, хотя поражения вермахта нет равных в современной истории, ни разу не возникло даже намека на мятеж рядового состава. И это несмотря на то, что солдат неумело вели к безнадежной цели, они несли катастрофические потери и терпели невообразимые лишения. Вот результат союза прусской дисциплины и нацистской пропаганды. Немецкие солдаты не восстали вовсе не из-за своей преданности режиму. Они не восстали потому, что запугивались и одурманивались пропагандой интенсивно и непрерывно, совершенно потеряли способность к сопротивлению и возражениям. Дисциплина и неведение, а не преданность удерживали немецкого солдата на поле боя вплоть до мая 1945 года.

Мы должны признать, что немалая заслуга в этом принадлежит офицерскому корпусу. Готовые слепо повиноваться сами, офицеры требовали повиновения и от своих подчиненных. Со времен Фридриха Великого немцы привыкли бояться военную касту и уважать ее, поэтому неудивительно, что призванные на военную службу легко подчинялись дисциплине, культивировавшейся профессиональными военными. Философия абсолютного подчинения командиру укрепилась с пришествием национал-социализма и его принципа «фюрерства». Фетишизируя дисциплину, офицерский корпус подавил любое сопротивление, которое могло бы зародиться в солдатской среде при всеобщей мобилизации.

Каждый немецкий солдат должен был знать назубок «Обязанности немецкого солдата», провозглашенные Гинденбургом 25 мая 1934 года и воспроизведенные без изменений в 1942 году. Приведем первые четыре абзаца этого наставления:

«1. Вермахт – боевой отряд немецкого народа. Он защищает германский рейх и фатерланд, народ, объединенный национал-социализмом, и его жизненное пространство. Основа силы вермахта в его славном прошлом, немецкой государственности, немецкой земле и немецком труде. Служба в вермахте – почетный долг немецкого народа.

2. Честь солдата – в безусловном подчинении собственной личности народу и фатерланду вплоть до самопожертвования.

3. Высшее достоинство солдата – воинская доблесть. Она требует стойкости и решимости. Трусость позорна, сомнения недостойны солдата.

4. Повиновение – фундамент вермахта, уверенность – фундамент повиновения».

Индивидуум – ничто, государство – все. Таковым было кредо национал-социализма и немецких вооруженных сил. Если повиновение – «фундамент вермахта», тогда дисциплина – средство построения этого фундамента. Офицерский корпус обеспечил укоренение в рядовом составе вермахта дисциплины, которую рьяно культивировал в собственном кругу. Даже

когда неизбежность поражения стала очевидной, особое внимание уделялось военной форме и выправке. Например, во Франции в 1944 году полковник Гельниц издал приказ, который частично мы приведем здесь:

«Снова и снова я встречаю в департаменте Эр велосипедистов, которые, отдавая честь, не распрямляют ноги. Это противоречит уставу, если только велосипедист не движется вверх по склону».

А генерал-майор Конради, проезжая по Кривому Рогу, советскому городу, заставлял всех солдат, не отдавших ему честь или не по форме одетых, бежать за его автомобилем. Говорили, что за генеральской машиной всегда бежало от тридцати до сорока солдат. Через два-три километра Конради останавливался, записывал имена нарушителей дисциплины и отправлял всех под арест.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Для сравнения посмотрим, к чему привели бы аналогичные действия в демократической армии. В Англии пресса и общественность подняли невероятный шум, когда обнаружилось, что один из офицеров отдает команды своим солдатам криками, уместными для обращения с лошадьми. Пощечина американского генерала Паттона рядовому чуть не вынудила генерала Эйзенхауэра отправить своего самого талантливого командующего в отставку.

Разумеется, разница состоит в том, что англичане и американцы, готовые, если потребуются, отдать жизни за свои идеалы, совершенно не готовы к унижению своего человеческого достоинства. Фашистская Германия создала идеальные условия для армии, основанной на дисциплине, ибо абсолютно исключалась опасность вмешательства возмущенного гражданского общества в армейскую систему. Национал-социализм требовал такого же неукоснительного повиновения, что и вермахт. Как только немецкий солдат привыкал инстинктивно повиноваться, уже не имело значения, кто именно отдавал приказы. Немецкий Генеральный штаб, как Франкенштейн, создал монстра дисциплины, который впоследствии помог уничтожить своего создателя. Генералам не оставалось ничего другого, кроме выполнения приказов фюрера, а солдаты, которых они создали по своему образу и подобию, были беспомощны, как и они. Не опасаясь сопротивления ни со стороны солдат, ни со стороны генералов немецких армий, австрийский ефрейтор мог исступленно играть в войну, абсолютно уверенный в том, что любые его приказы будут выполнены.

Глава 4

НЕВЕДЕНИЕ

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года показало, что даже прусская дисциплина не в состоянии подавить инакомыслие. Хотя активных участников заговора было относительно немного, Гитлеру явно не удалось добиться абсолютного повиновения от всего своего окружения. Удивительно не то, что мятеж имел место, а то, что немногие приняли в нем участие. Вряд ли какое-то другое современное правительство могло совершить так много ошибок и навлечь на себя лишь неудачную попытку убить вождя с помощью бомбы.

Если допустить, что любая, самая жесткая дисциплина в принципе нарушаема, тогда почему так мало генералов участвовало в заговоре 20 июля? Если, как генералы теперь уверяют, они близко к сердцу принимали судьбу своей страны, почему же они не выступили против Гитлера, когда стало ясно, что он ведет Германию к катастрофе? Замышляя убить Гитлера всего за несколько месяцев до неминуемого поражения, они явно запоздали. Если от мятежа немецкого офицера удерживали дисциплина и верность присяге, то неведение скрепляло этот союз так прочно, что разрушить его было почти невозможно. Редко в истории современных войн складывалась ситуация, когда командующие настолько не владели бы информацией о вражеских и собственных войсках, как генералы вермахта во Второй мировой войне. Именно

неведение мы считаем одной из главных причин поражения Германии, ибо оно играло огромную роль в поддержании дисциплины, которая позволяла Адольфу Гитлеру удерживать власть.

Любой командующий должен знать как можно больше о своих войсках и войсках противника. Это важнейший закон военной науки. В вермахте преднамеренно проводилась политика предоставления командующему как можно меньше информации о немецких войсках, а добытые сведения о противнике редко бывали надежными и точными. Интересно рассмотреть обстоятельства, которые привели к такому положению дел.

Всего через несколько месяцев после начала войны произошло событие, повлекшее за собой серьезные последствия для немецких командующих. Ночью 9 января 1940 года немецкий самолет, заблудившись в густом тумане, приземлился в Мешлен-сюр-Мез в Бельгии. Самолет направлялся в Кельн из штаба 4-й армии в Мюнстере. Один из его пассажиров – майор люфтваффе Рейнберг вез детальные планы вторжения в Нидерланды. В этих документах раскрывалась роль немецких военно-воздушных сил и парашютистов в запланированном нападении. Когда самолет приземлился, Рейнберг, забежав за изгородь, попытался сжечь документы, но бельгийский солдат успел их выхватить. Впоследствии на допросе в бельгийском штабе Рейнберг снова попытался уничтожить документы, схватив их со стола начальника штаба и бросив в печку. Однако нашелся еще один проворный бельгиец. Он сунул руку в раскаленную печь и достал почти не поврежденные бумаги. Из обгоревших документов удалось воссоздать довольно полную картину немецкого вторжения в Нидерланды.

После этого случая пришлось произвести крупномасштабные изменения планов вторжения. Однако гораздо более важным последствием стал приказ из Берлина, в котором предписывалось ни при каких обстоятельствах не информировать командующих о планах операций, не касающихся их непосредственно.

Во время войны этот приказ становился более детальным. Командир дивизии знал лишь то, что касалось его дивизии. О том, что намечается на флангах его дивизии, его информировали лишь в том случае, если предстояли совместные действия. Это ограничение сохранялось по всей вертикали: от дивизии до корпуса, от армии до группы армий и даже до главнокомандующих разными фронтами. Поэтому фельдмаршал Кессельринг в Италии ничего не знал о резервах фельдмаршала фон Рундштедта во Франции, событиях в СССР или численности войск, оставшихся в Германии.

Офицеры не только не знали, что происходит в других секторах, но и не пытались узнать. Ужасающее отсутствие информации у старших офицеров о том, что не касалось их лично, иногда кажется просто невероятным. Никто не был осведомлен о том, что делают остальные; приказы выполнялись при минимуме тактической информации, необходимой для непосредственного задания. В Нормандии целые дивизии быстро продвигались вперед, не зная, что слева от них фронт прорван и им грозит окружение. Самолеты люфтваффе вылетали на задания, не известив войска, над которыми пролетали, и сухопутные части тратили время и боеприпасы, пытаясь сбить собственные самолеты. Офицеры были ошеломлены, обнаружив, что хваленый «Атлантический вал» построен из «туалетной бумаги», а в Париже нет резервов. Генерал-полковник Штудент, командующий группой армий «Х», находившейся на фланге арденнского наступления, узнал о наступлении всего лишь за восемь дней до его начала, а командиры дивизий слышали о нем из передачи по немецкому радио.

Сравните эти методы с методами союзников: фельдмаршал Монтгомери поставил в известность о своих намерениях всех подчиненных за двадцать четыре часа до битвы при Эль-Аламейне. Или попытайтесь представить следующую ситуацию: генералу Брэдли, командующему 12-й группой армий во Франции, сообщили бы о том, что Монтгомери собирается выбросить парашютные десанты в Неймегене и Арнеме, лишь за несколько дней до операции! Непрерывный скоростной поток информации о текущих и планируемых операциях, которой обменивались командующие, был кровеносной системой союзнических войск в Северо-Запад-

ной Европе. Даже офицеры относительно невысокого ранга всегда были в курсе стратегического положения в основных чертах. Тем сложнее нам понять ограничение информации о собственных войсках в немецких армиях.

Из этой ситуации следовали два результата. Первый: несмотря на самый высокий ранг, ни один фронтовой офицер не мог получить доступ к Гитлеру и высказать свое мнение о неосуществимости запланированной операции из-за недостатка резервов. Никто, кроме маленькой группы приближенных к Гитлеру советников, не видел истинной общей картины, и ни один офицер не мог представить убедительные доводы против будущей операции, поскольку не имел необходимых фактов или статистических сведений в поддержку своей точки зрения.

Второй результат этой официальной политики всеобщего неведения: не имея никаких источников информации, все офицеры обращались за новостями к доктору Геббельсу. Они доверчиво выслушивали его заверения в том, что немецкая армия сильна и непобедима, союзники несут катастрофические потери и создается мощное секретное оружие. Генерал Альфред Шлемм, командующий 1-й парашютно-десантной армией, признает, что с негодованием услышал о заговоре 20 июля. Что подвигло их на предательство, думал Шлемм, когда в Италии ситуация стабилизировалась, в Нормандии союзники обескровлены, на востоке удастся сдерживать Советскую армию и резервы на подходе?

«Теперь я сознаю, насколько не представлял истинное положение, – говорит сегодня Шлемм. – Я вижу теперь, что все заверения Геббельса были ложью и к июлю 1944 года война была практически проиграна. Один Гитлер знал это и скрывал от нас. Если бы тогда я знал то, что знаю сейчас, я всем сердцем сочувствовал бы заговорщикам»².

Немецких командующих не только держали в неведении относительно происходящего по их сторону фронта, но и вводили в прискорбное заблуждение относительно противника. Это происходило скорее из-за свойственных вермахту изъянов в подготовке личного состава и методах, чем из-за его структуры. В сочетании с ограниченной оперативной информацией эти изъяны привели к появлению очень плохо информированной группы генералов, участвовавших в глобальной войне. Одним из самых потрясающих послевоенных открытий был тот факт, что немецкая военная разведка была на удивление неточной и неэффективной.

Всемогущество «пятой колонны» и ловкость немецких агентов многие годы были любимыми темами приключенческих романов и кинобоевиков. До и во время войны тень всемогущей супершпионской организации, объединявшей гестапо, абвер, службу безопасности и внешнюю разведку, наводила ужас на весь мир. Но их возможности очень сильно переоценивали. Если главной задачей тысяч агентов, завербованных нацистами, был сбор информации, которой военные лидеры могли бы воспользоваться при ведении войны, они эту задачу не выполнили. Вряд ли когда-либо разведка так плохо служила армии, как немецкая разведка вермахту в период Второй мировой войны.

Самым большим провалом немецкой разведки считается тот факт, что два ее высших офицера – адмирал Вильгельм Канарис и генерал-майор Ганс Остер – были активными членами немецкого сопротивления. Хотя эти двое в течение многих лет действительно руководили заговором против Гитлера, не существует доказательств того, что они не выполняли своих функциональных обязанностей или срывали военные операции ложной информацией о планах и действиях союзников. Вместе с руководимыми ими службами они энергично и неустанно снабжали высшее немецкое командование детальными оценками вражеских замыслов. Потрясающая безуспешность их деятельности объясняется скорее неумением, чем предательством.

Перечень грубых ошибок разведки почти так же длинен, как перечень плохих военных решений. Даже победы Германия одерживала вопреки военной разведке, а не благодаря ей. Почти у всех немецких генералов было одно общее качество – потрясающее незнание боевой

---

² Допрос генерала Шлемма, октябрь 1945 г.

мощи и планов врага в разных военных кампаниях. Едва ли можно назвать хоть одно важное сражение, на исход которого не повлияли бы ложные разведданные. Чехи собираются драться за Судетскую область; французы за линией Мажино слишком сильны; Дюнкерк не подорвал боевую мощь англичан; Красная армия не в силах противостоять современным бронетанковым армиям и слишком слаба для организации контрнаступления; англо-американское вторжение на континент должно начаться в Па-де-Кале, а не в Нормандии. Это лишь некоторые из ложных выводов разведывательной службы, перед которой трепетал весь мир.

Провал немецкой разведки можно объяснить двумя основными причинами. Первая – методичный тевтонский ум, склонный к детализированию, но не развивший дара отличать истину от лжи. Успешно используя романтические шпионские методы в деятельности своей «пятой колонны», немцы перенесли эти методы в военную сферу. Агенты с приклеенными бородами и фальшивыми паспортами лихорадочно трудились во всех мировых столицах. Собранная ими информация бурным потоком текла в Берлин, где сводилась в таблицы, заносилась в картотеку и регистрировалась тщательно по-немецки. Однако немцы так и не научились оценивать источники информации. Любые сведения, даже изначально ложные, если они достаточно часто повторяются, приобретают правдоподобность за счет этого повторения. Объем информации стал более важным, чем достоверность; чем больше фактов, тем они точнее. В результате накопился банк бесчисленных деталей, аккуратно включенных в каталог, но имевших небольшую реальную ценность, поскольку они не были правильно проанализированы.

Типичный пример этого процесса мы находим в отрывке из разведдонесения, посланного командованием группы армий «Юго-Запад» 10-й и 14-й армиям в Италию.

Речь идет об интерпретации словосочетания «Blighty establishment», которым в данном случае солдаты называли некоторые части, расквартированные в Англии. Вот что мы находим в документах немецкой разведки:

«Согласно заявлению военнопленного, батальон военно-технического обеспечения, недавно включенный в состав английской пехотной дивизии, на солдатском жаргоне называется «Blighty establishment». Смысл этого наименования пока не вполне ясен. Есть два возможных толкования:

а) Индейское слово «Bilaty» – деревня или дом, которое во время войны превратилось в солдатское жаргонное «Blighty» и обозначает ранение, обеспечивающее возвращение раненого в Англию.

б) «Blight» – плесень, ядовитое испарение, или «to blight» – разрушать.

Поскольку после преобразования пулеметного батальона в батальон материально-технического обеспечения эта часть была вооружена 106,7-миллиметровыми минометами (4,2-дюймовыми минометами для фосфорных мин), есть основания предположить, что верен вариант б).

Дознаватели должны выяснить, относится ли английское выражение «Blighty establishment» к вышеупомянутому снабжению батальона материально-технического обеспечения химическими веществами».

Здесь изобилие фактов, доступных сотрудникам разведотделов, привело к такому количеству неадекватных толкований, что у них осталось мало шансов на выбор достоверного. Неудивительно, что косные тевтонцы, скованные картотеками, так часто выбирали неверный ответ, а верный получали, когда пренебрегали рассуждениями.

Вторая причина провала немецкой разведки – неприязнь профессиональных военных к «канцелярским крысам». Воспитанный в атмосфере презрения к чиновникам, средний немецкий офицер с подозрением относился к мнению людей, «воевавших» за письменными столами в Берлине. В результате немецкие командующие имели склонность заменять оценки разведки своими собственными. Вместо того чтобы тщательно рассмотреть факты и на их основании определить возможные действия врага, командующий ставил себя на место против-

ника и решал, как он сам поступил бы в данной ситуации. Поскольку вопросы, которые считал важными немецкий генерал, не всегда были важны генералу союзников, подобные догадки о вражеских намерениях в лучшем случае могли быть верны лишь наполовину.

После того как в начале войны организация Канариса совершила несколько глупых ошибок, ей мало верили даже в тех случаях, когда она была права. Вдобавок, упоенные радостью первых побед, генералы почувствовали, что пренебрежение разведанными не оказывает большого влияния на исход сражения. Они не привыкли всерьез воспринимать разведку, даже когда стали терпеть поражения; а тогда разведка стала не просто полезна, но жизненно необходима.

Подполковник, возглавлявший отдел немецкой разведки «Иностранные армии Запада», так описывает отношение консервативных генералов к разведке:

«Мое мнение (о том, что рейд в Дьеп в августе 1942 года не являлся предвестником или частью масштабного вторжения союзников) не было одобрено генералом Цейцлером, начальником штаба во Франции. Цейцлер ожидал крупномасштабное вторжение во Францию вопреки оценкам моего отдела, выразившего противоположную точку зрения... Мы считали, что британцы в тот момент не способны предпринять крупномасштабное вторжение, поскольку глубоко увязли в Северной Африке. Дьепский десант укрепил Цейцлера и Кейтеля в их мнении. Присутствуя на совещаниях во Франции и в тылу, я пытался убедить верховное командование в истинной цели операции. Когда мой рапорт положили на стол начальника штаба, он заявил: «Похоже, отдел «Иностранные армии Запада» слишком много времени тратит на составление документов. Им следовало бы заняться более конструктивной работой».

К концу 1943 года моего шефа и меня вызывали на совещания начальников штабов вермахта по меньшей мере раз в месяц. Нас всегда поражала совершенно нелогичная недооценка англо-американских сил и переоценка потенциальных возможностей немецких войск во Франции, Норвегии и на Балканах. Войсковые соединения постоянно переводились на другие театры военных действий. В результате мой шеф одобрил завышенные нами оценки численности британских дивизий в противовес слишком оптимистичному настроению начальников штабов...»

А теперь коротко подведем итог изложенного в первых главах. Во время Второй мировой войны не раз складывались ситуации, когда Германия могла бы одержать победу, если бы действовала иначе. В каждой из этих ситуаций немецкий народ обладал достаточными материально-техническими ресурсами для победы. Однако Германия потерпела поражение, и причина его кроется в том, что немецкие военные лидеры, ответственные за ведение войны, оказались не в состоянии эффективно воспользоваться своим превосходством. У военного руководства Германии было три существенных недостатка. Во-первых, при их попустительстве Гитлер стал не только высшей политической, но и высшей военной властью в стране. Во-вторых, дисциплинированность и личный кодекс чести удерживали их от восстания против главы государства, а жесткая дисциплина, внедренная ими в армию, привела к тому, что и рядовой состав не мог организовать активное сопротивление Гитлеру. И в-третьих, эта жесткая дисциплина никогда не подвергалась испытанию, поскольку офицеров и рядовых держали в полном неведении относительно реального положения дел по обе стороны линии фронта, поэтому у них не было оснований для сопротивления.

В первые годы войны слишком глубокое неведение, слишком жесткая дисциплина и абсолютная власть Гитлера привели к ошибкам, укравшим у Германии победу, которую она почти держала в руках. В последний год войны, когда уже не могло быть речи о победе и впереди маячила тень полного разгрома, эти три силы принесли Германии излишние разрушения, страдания и смерти. Поскольку излагаемая здесь история – история поражения, то основной упор необходимо сделать на последний военный год, когда поражение уже было не перспективой, а реальностью. Однако, чтобы до конца понять причины краха вермахта, необходимо знать, что

он собой представлял и как создавался. Выяснив это, мы рассмотрим, как Германия ковала свой разгром, что испытали немецкие армии на Западном фронте в последний год.

Прежде чем двигаться дальше, необходимо сказать еще кое-что. Горнилом, в котором ковалось поражение германских армий, был советский театр военных действий. Именно там были постоянно задействованы и систематически уничтожались две трети всех немецких вооруженных сил. К сожалению, объем этой книги позволяет нам лишь кратко упомянуть эти великие сражения. Но можно с уверенностью утверждать, что история немецкого поражения на востоке ничем не отличается от истории немецкого поражения на западе, хотя поражение Германии на востоке сопровождалось большими потерями и страданиями.

Часть вторая ИСТОКИ

Глава 5 ВЕРМАХТ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Шел ноябрь 1918 года. Война закончилась, но в Германии не воцарился мир. Раздраженная армия, во главе которой стояли офицеры, убежденные в том, что получили удар кинжалом в спину от лидеров страны, организованно отступила на западе, но еще удерживала свои завоевания на востоке. Социал-демократическое правительство попыталось провести частичную демобилизацию огромной, недовольной армии, но эта задача оказалась ему не по силам. Правительство попросило фельдмаршала фон Гинденбурга, командующего немецкими вооруженными силами, решить технические проблемы отвода войск с фронта. Штаб фон Гинденбурга выполнил порученное задание с легкостью, порожденной опытом и выучкой, предотвратив хаос, готовый поглотить страну. Своей просьбой правительство признало свою зависимость от офицеров старой школы и крепко связало имперский Генеральный штаб с республикой.

Эта связь стала роковой для Веймарской республики, поскольку ей не удалось освободиться от господства офицерского корпуса, а он уже более сотни лет был в Германии государством в государстве. Воспитанные в духе ярого патриотизма, презиравшие гражданские власти, защищенные от гражданского судопроизводства, профессиональные военные образовали замкнутую касту, скованную присягой немецкому императору и собственным кодексом чести. Для офицера, совершившего проступок или преступление, не существовало более грозного и унижительного приговора, чем приговор суда чести. Лишение воинского звания было приглашением (часто принимаемым) к самоубийству.

Привилегированная, с почти средневековыми неизменными традициями, благоговейно уважаемая гражданским обществом, военная каста получала полномочия непосредственно от кайзера и была инструментом осуществления его власти. Опираясь на раннем этапе на эту по своей природе антиреспубликанскую касту, республика обеспечила свою гибель; в дальнейшем ржавчина прусского милитаризма разъест всю ее структуру.

Насколько сильное презрение и ненависть испытывали некоторые имперские офицеры к своим штатским повелителям, видно из письма Людендорфа, начальника штаба фон Гинденбурга, которое он написал жене в феврале 1919 года: «Оставив нас в живых, революционеры совершили величайшую глупость. Если я снова приду к власти, пусть не ждут пощады. Я с чистой совестью повешу Эберта и Шейдемана с компанией и буду смотреть, как они болтаются на виселицах»³.

Все же именно на таких людей пришлось опираться слабому социал-демократическому правительству. Из всех грозящих ему опасностей самую страшную представляли группы демобилизованных солдат и матросов, руководимые коммунистами. Чтобы справиться с этой угрозой, у правительства было два выхода: организовать народную армию под управлением людей, которым можно было доверять, или призвать на помощь профессиональных солдат, преданных традициям прежнего имперского режима. Аргументацию правительства сформулировал Густав Носке, военный министр и лидер социал-демократического большинства во временном правительстве Фридриха Эберта:

---

³ *Margareta Ludendorff*. Als Ich Ludendorffs Frau War. Мюнхен, 1929. С. 209.

«К нашему глубокому сожалению, сержантский и рядовой состав армии не выдвинули ни одного лидера, несмотря на то что повсюду власть была в их руках. Я был вынужден обратиться к офицерам. Безусловно, многие из них – монархисты, но, когда возникает задача реконструкции, приходится прибегать к помощи профессионалов. Армия без дисциплины – пародия на армию. Если необходимо выбирать между плохим офицером, социал-демократом, и хорошим офицером, консерватором, я выбираю второго».

Таким образом, вместо ликвидации старого офицерского корпуса, его поспешно возродили под названием «добровольческий корпус» («фрейкор»). Добровольческий корпус формировался Генеральным штабом из остатков потерпевшей поражение армии втайне от временного правительства и без его согласия. Однако, узнав о существовании «фрейкора», Эберт и Носке вздохнули с облегчением. Это была единственная сила, способная сделать то, что, по их мнению, сделать было необходимо. Добровольческому корпусу был выдан мандат на подавление всякой оппозиции, в особенности революционеров радикально-левого толка, которые грозили сбросить правительство Эберта. Добровольческий корпус безжалостно и не без удовольствия выполнил свое предназначение.

Восстание «Союза Спартака» в Берлине в январе 1919 года было подавлено минометами и огнеметами. Карл Либкнехт и Роза Люксембург, руководители спартаковцев, были убиты офицерами гвардейского кавалерийского корпуса. Рабочие, взбунтовавшиеся в феврале в Бремене и Руре, были разгромлены. В марте для подавления еще одного восстания в Берлине добровольческий корпус использовал танки и самолеты. В Мюнхене попытка создать Баварское советское правительство привела к убийству более тысячи гражданских лиц. Быстро собрав под своим крылом множество безработных авантюристов и фанатов, добровольческий корпус подавлял беспорядки с возрастающей жестокостью. Хуже того, он создал кодекс чести, в котором напрочь отсутствовала преданность офицеров правительству. Их политическим кредо были презрение и ненависть к социал-демократическому движению, разрушившему Германскую империю, которой они прежде служили.

Начав с подавления уличных беспорядков, добровольческий корпус перешел к ожесточенным боям против русских в Балканских государствах и против поляков в Польше. Именно из этой банды безответственных, безрассудных вояк впоследствии черпали своих лидеров штурмовые и охранные отряды Гитлера. О влиянии добровольческого корпуса на будущее Германии легче всего судить по небольшому, но впечатляющему перечню его членов: Геринг, Гесс, Рем, Роммель, фон Манштейн, фон Кюхлер, Рамке, Борман, Фрик, Дитль, фон Эпп.

В марте 1919 года правительство приняло закон о восстановлении и реорганизации немецкой армии. Немецких правителей особо не заботила мысль о том, что у союзников, обсуждавших условия мирного договора, может быть собственное мнение о структуре и численности немецкой армии. Члены добровольческого корпуса стали ядром нового рейхсвера, и через несколько месяцев около 400 тысяч солдат были готовы защищать фатерланд.

Но 7 мая 1919 года немцам был нанесен сокрушительный удар. Часть V Версальского мирного договора разрушила оптимистические мечты немецкого верховного командования, которое полагало, что получит разрешение строить национальные вооруженные силы по своему усмотрению. Версальский договор отменял всеобщую мобилизацию; имперская армия должна была смениться сотней тысяч добровольцев, согласных служить двадцать пять лет (для офицеров) и двенадцать лет (для сержантского и рядового состава). Единственной задачей этой армии было поддержание внутренней безопасности Германии. Военный флот предписывалось сократить до ничтожных размеров, Германия не могла иметь ни одной подводной лодки. Также не допускалась организация военно-воздушных сил. Генеральный штаб требовалось распустить.

Нацию тут же охватили гнев и негодование. Раздавались призывы к отказу от подписания мирного договора, вплоть до возобновления военных действий. Однако фон Гинденбург

признался временному правительству, что его войска не в состоянии защищаться от объединенных сил союзников вне Германии и революционных элементов внутри рейха, Версальский договор пришлось подписать. Это случилось 28 июня 1919 года.

Последовавшие за подписанием договора месяцы были отмечены взрывами насилия и хаосом. То группы недовольных офицеров, то рабочие советы пытались свергнуть правительство и захватить власть. Сокращение армии до согласованного лимита в 100 тысяч человек означало увеличение числа безработных в стране, измученной повальной безработицей.

Самой серьезной проблемой стал добровольческий корпус, состоявший из банд недисциплинированных бывших солдат, презиравших закон и порядок. Борясь одним пожаром против другого, правительство завербовало этих безжалостных авантюристов для подавления рабочего восстания в Руре в марте 1920 года. Они выполнили порученную работу с удовольствием. «Мы никому не давали спуска, – писал один из этих людей о том, как они поступали со своими соотечественниками. – Мы пристреливали даже раненых. Энтузиазм огромный, почти невероятный»⁴.

Удовольствие от насилия – одно из первых проявлений кровожадности, позже питавшей гитлеровские штурмовые и охранные отряды.

Некоторые отряды фрейкора были реорганизованы в трудовые батальоны и тайком использовались верховным командованием для защиты восточной немецкой границы от Польши. Другие объединились в тайные общества, целью которых было уничтожение республики. Лучших бойцов добровольческого корпуса взяли в съездившийся до 100 тысяч человек рейхсвер. В добровольческом корпусе и в стотысячной армии воспитывались лидеры возрождающегося вермахта. Можно с уверенностью утверждать, что все немецкие генералы Второй мировой войны (за малым исключением) часть своего военного опыта получили как младшие офицеры или сержанты одной из этих организаций, а большинство служило в обеих. Более сдержанные пошли в стотысячную армию; громилы и авантюристы из фрейкора впоследствии нашли применение своим способностям в рядах «охранных отрядов» и «коричневорубашечников».

Унизительные условия Версальского договора не задушили честолюбивые устремления Германии, на что рассчитывали победители, а, наоборот, воодушевили. Версальский договор не только сплотил небольшую группу людей, чьей профессией было военное дело и ничто другое, но и пробудил в них страстное желание применить на практике знания, которыми они так хорошо владели. Поэтому любой, кто обещал им помощь в освобождении от оков части V Версальского договора, сразу получал их полную поддержку.

Весьма распространенным заблуждением, которое легко развеять, является представление о немецком Генеральном штабе как о таинственной военной организации, в которую входит узкий круг лиц, обладающих выдающимися талантами. На самом деле любой офицер немецкой армии мог стать офицером Генерального штаба. Если он был достаточно способным, его посылали на двух-трехгодичные курсы, где тщательно изучались методы ведения боевых действий, после чего нужно было сдать ряд конкурсных экзаменов. Если офицера принимали в Генеральный штаб, это означало, что он способен решать сложные административные задачи в штабах различных родов войск.

Кроме редких учебных сборов, ежегодного посещения лекций и алых лампасов на форменных брюках, ничто не отличало офицера Генерального штаба от обычного строевого офицера. Разумеется, человеку с генштабовской подготовкой легче было сделать военную карьеру, однако множество немецких офицеров, выбившихся в генералы, в свое время не были приняты на высшие штабные курсы.

---

⁴ Ганс Эрст Фрид. Вина немецкой армии. Нью-Йорк, 1942. С. 192.

Влияние Генерального штаба на армию заключалось в неукоснительном и высокомерном соблюдении традиций. В большой степени этими традициями Генштаб был обязан генерал-полковнику Гансу фон Зекту, начальнику сухопутных сил рейхсвера с 1920-го по октябрь 1926 года. Фон Зект считал, что армия должна быть полностью отделена от политики. Исходя из этого положения солдатам запрещалось голосовать, состоять в политических партиях и принимать участие в политических демонстрациях.

«Армия должна стать государством в государстве, – заявлял фон Зект, – и слиться с государством, служа ему; фактически она должна стать безупречным образом государства».

Несмотря на запрещения Версальского договора, при фон Зекте Генеральный штаб был тайне сохранен и проходил подготовку. Ставилась цель создания армейских лидеров, готовых к экспансии, когда придет долгожданный день перевооружения. Сержантский состав готовили к роли офицеров; у старших офицеров было достаточно знаний для командования дивизиями и корпусами. Решительно поддерживались традиции старой армии. Усердно поощрялись обычаи, связанные с именами Шарнхорста, Гнейзенау и Мольтке.

Хотя фон Зект не любил и не уважал республику, он настаивал на лояльности армии государству. Он предавал анафеме анархию и гражданскую войну. Поэтому, когда в ноябре 1923 года Гитлер и Людендорф затеяли в Мюнхене неудавшийся путч, армия, проникшись философией фон Зекта и сохранив нейтралитет, обеспечила его подавление.

Шаткий союз рейхсвера и республики укрепился, когда в апреле 1925 года президентом рейха стал великий полководец Германии фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Армия без колебаний выразила доверие и преданность победителю Танненберга. Пока фон Гинденбург оставался президентом, у республики оставалась уверенность в том, что армия не вонзит ей нож в спину. Однако за безопасность пришлось расплачиваться: в каждом важном политическом решении республике приходилось учитывать интересы рейхсвера. Бросившись за защитой в крепкие объятия фон Гинденбурга, республика должна была помнить, что в любой момент эти объятия могут не спасти, а раздавить ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.